

18+

**Попаданка в
Warhammer:
Сотрудница продуктового
магазина "семёрочка"**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Максим Лебедев
Попаданка в Warhammer
- сотрудница магазина
"семёрочка"

<https://litres.ru/74280949>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продавщица «Семёрочки» попадает в 41-е тысячелетие вселенной Warhammer — мир, где небо плавится от бомбардировок, плоть обращается в прах под взглядами демонов, а каждый день — это кровавая мясорубка без надежды. Здесь людей перемалывают в корм для машин, еретиков сжигают заживо, а орки сдирают кожу с живых просто ради смеха.

Помогут ли ей годы опыта выживания в хаосе продуктового магазина, драки за скидки, истерики начальства и работа без выходных выстоять в этом аду другой вселенной?

Жестокий, кровавый и беспощадный мир против обычной продавщицы.

Содержание

Глава 1. Корона	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Максим Лебедев

Попаданка в Warhammer

- сотрудница магазина

"семёрочка"

Глава 1. Корона

— Кто-то опять спиздил тушёнку!!!

Я орала это в подсобке, глядя на стеллаж с консервами и полупустую коробку из-под «Говядины тушёной высший сорт», и понимала, что ещё немного — и я просто лягу на этот заблёванный кафельный пол и больше никогда не встану. Два выговора за месяц. Два, бля! С формулировкой «утрата доверия к материально ответственному лицу».

Как будто я лично жрала эту тушёнку, ложкой из банки, сидя на унитазе в обеденный перерыв. У меня же других дел нет, да?!!! Приёмка. Расстановка товаров по позициям, ебучие ценники, которые меняются каждый день, потому что маркетинг у нас — это генератор случайных чисел, бесконечные отчёты в Excel, которые не открываются на том куске дерьма, что гордо именуется «рабочим компьютером», контроль срока годности: обнюхиваешь каждый йогурт, как со-

бака-ищейка, и молишься, чтобы покупатель не нашёл ту самую плесень, которую ты, замотанная, пропустила. Списание просрочки, утилизация просрочки под акт. «А почему молочка списалась на пять тысяч? Катя, ты ебанулась?». А то, что холодильник накрылся и молоко скисло за ночь — это тоже я, да? Я лично дула тёплым воздухом на компрессор.

Только и мечтаю, как бы сожрать просроченную тушёнку и занюхать её «Дошиком» без скидки. А теперь мне, надо найти алкаша, который пихает банки тушенки в трусы, и провести с ним воспитательную беседу. Заодно, может, разобрать атомный реактор и пересчитать крыс в подвале. Бесплатно, разумеется и желательно в нерабочее время.

Я пошла в подсобку и с грохотом хлопнула дверцей шкафчика, провела рукой по лицу и уставилась в стену, где кто-то из прежних сотрудниц наклеил криво вырезанный из журнала мотивационный плакатик: «Успех — это когда ты сама выбираешь своё настроение!». Я смотрела на эту жизнерадостную суку с плакатика и представляла, как сворачиваю ей шею. Моё настроение сейчас выбирало между истерикой и убийством.

А ещё вопросы. Бесконечные вопросы от покупателей: «У вас есть хлеб?». Есть, блядь. В хлебном отделе. «А вы не могли бы проверить, свежий ли?» Могу, сейчас брошу кассу, очередь из пятнадцати орущих бабок, разгрузку ебаной фуры и побегу нюхать тебе батон за сорок шесть рублей. И конечно же, «Ой, а почему у вас пакеты платные? Раньше бес-

платные были!». Раньше и трава зеленее была, и солнце ярче, а теперь пакет стоит восемь рублей, и ты стоишь надо мной с выражением вселенской скорби на лице, пока я пробиваю тебе килограмм картошки и бутылку «Мартини». Заебали! Заебали! ЗАЕБААААААЛИ!!!!

Я встала, оправила эту идиотскую жилетку, которая собирала на себя всю собачью шерсть и крошки от чипсов, и вышла в торговый зал. В висках стучало. Каждый день одно и то же. Я больше не человек. Я — кассир-грузчик-товаровед-охранник-уборщик-психолог для пьяных. И вот теперь ещё детектив по поиску тушёнки. Прекрасно. Просто охуительно.

— Извините, а у вас фигурки вархаммера есть?

Я развернулась так резко, что хрустнула шея и чуть не ахнула.

Передо мной стояла девушка модельной внешности в мини-юбке. В моей «Пятёрочке», где даже мухи дохли от тоски, а единственным украшением была гирлянда из пыльных шариков на кассе. Девушка была на голову выше меня, с волосами такого белого цвета, какой не существует в природе — только в инстаграме после трёхчасового фотошопа. Идеальные скулы. Идеальная кожа. И взгляд... взгляд был неправильный. Слишком спокойный. Слишком твёрдый для человека, спрашивающего про игрушечных солдатиков в продуктивном.

«Ебануться, а давно у нас эскортницы вархаммером инте-

ресуются? подумала я про себя.»

Мысль была тупая, но честная. Я за свою жизнь повидала всяких покупательниц, но эта выглядела так, будто только что вышла из частного самолёта и по ошибке приземлилась в нашем спальном районе. Может, блогер? Или из этих, трештокеров, которые долбали мозги глупыми вопросами и делали контент на скандалах? Сейчас достанет камеру, и я стану звездой ютуба — «Тупую продавщицу бомбит от вопроса про игрушки». Ага, щас. Я всё ещё кипела от истории с тушёнкой, и мой внутренний цензор на секунду отрубился. Я хотела сказать: «Если вы хотите пихать фигурки себе в одно место, то порекомендую бананы и огурцы, они дешевле».

Но я вспомнила про кредит. Про съёмную квартиру. Про то, что до зарплаты ещё неделя, а есть уже нечего, кроме той самой списанной просрочки. И я улыбнулась. Это была страшная улыбка. Так, наверное, улыбается акула, у которой болят зубы.

— Конечно, у нас их нет, — сказала я сладким голосом, от которого у самой свело скулы. — Это же продуктовый магазин.

И я с силой пнула пустую картонную коробку. Коробка взлетела, описала красивую дугу и с мерзким хрустом влетела в открытый холодильник с сосисками и колбасой, сбив шеренгу «Докторской».

— Хамло, — холодно и без выражения произнесла блондинка.

Я открыла рот, чтобы ответить, но голова снова забила тушёнкой. Ебучая тушёнка! Кто её ворует?! Аааааааааааааааааа! Спасите меня из этого ада!

— Галя! — донеслось от касс. — Галя, подойди сюда, у нас терминал не работает!

Я застонала. Терминал. Конечно. Я же, блядь, ведущий специалист технического отдела. Я всю жизнь только и делала, что чинила сраные терминалы самообслуживания, а не раскладывала овощи в пакетики для любимых покупателей. Я пошла на звук, огибая тележки и чувствуя, как пульсирует вена на лбу.

У терминала стояла парочка. Муж и жена, наверное. Ухоженные такие, в чистых курточках, без этих вечных сумок-тележек. Они смотрели на экран с надписью «Ошибка 404», как на произведение современного искусства. Рядом топталась моя коллега — та самая Галя, чьё имя я носила на бейджике уже вторую неделю. У неё на лице застыл ужас. Впрочем, ужас у неё начался в тот самый момент, как она устроилась в «Пятёрочку», и с тех пор не проходил.

— Не работает, Галь, — сказала она, хлопая бесцветными ресницами.

Я сделала глубокий вдох. Мне показалось, что в лёгкие попал песок.

— Ты серьёзно?!!! — заорала я шёпотом. Шёпот получил-
ся громче, чем крик у иных людей. — Меня зовут Катя!!!!!!
Катя блять!!!! Галя — это твоё имя!!!

— Ой, ну я забыла, — залепетала Галя, отступая на шаг.

— Забыла? Ты работаешь со мной каждый день уже полгода. Полгода! У тебя что, деменция? Альцгеймер? Иди на овощи. Разбери и рассортируй палеты. Давай, пошла! Картошку от гнили отдели, морковь от капусты! И чтоб я тебя не видела нахуй до конца смены!

Галя, всхлипнув, исчезла в направлении подсобки. А я повернулась к парочке. Они улыбались. Им было смешно. Маленький спектакль в бесплатном цирке.

— А я думала, вас всех Галями зовут, — с усмешкой сказала девушка из парочки.

Её парень тоже расплылся в улыбке. Тёплой, сытой, самодовольной улыбке человека, который никогда не стоял за кассой двенадцать часов подряд и не получал выговор за ворованную тушёнку. Я смотрела на них. Долго. Очень долго. Я представляла, как перерезаю им обоим горло канцелярским ножом, который лежал у меня в кармане жилетки. Одно движение. Тонкая красная линия. И тишина. Никаких «у вас терминал не работает». Никаких «почему скидки нет». Просто тишина. Заметив мою ненависть, парочка смеяться перестала.

— Галь! — снова ворвался голос Гали, и я вздрогнула, как от удара током. — Галь, а что с гнилыми помидорами делать?

Она стояла в трёх метрах, держа в руках два чёрных, сочащихся слизью помидора, и смотрела на меня с надеждой.

Как собака, которая принесла дохлую крысу и ждёт похвалы.

И тут меня прорвало.

— МЕНЯ ЗОВУТ КАТЯ НАХУЙ!!!!!!!!!! — заорала я на весь магазин. — ТЫ МЕНЯ ПОНЯЛА?!!!!

Галя отшатнулась, выронив один помидор. В магазине повисла тишина. Даже касса перестала пищать.

— Ой, прости, Кать, забыла, — сказала Галя так невинно, будто речь шла о пустяке. — Так что с гнилыми помидорами делать?

В моей голове что-то щёлкнуло. Предохранитель вылетел. Я подбежала к ней, вырвала из её рук чёрные, вонючие комки и со всей накопленной за день яростью швырнула их в пространство. Просто в никуда. Просто чтобы выплеснуть эту дикую, нечеловеческую злобу.

Безумие и ярость всегда меня подводили. И этот раз не стал исключением.

Гнилой помидор, разогнанный моей ненавистью до скорости звука, описал красивую дугу и с чавкающим звуком впечатался в плечо покупательницы. Женщина пошатнулась, схватилась за плечо, на котором расплывалось отвратительное чёрно-зелёное пятно. Она смотрела на меня так, будто я на её глазах убила котёнка.

— Вы... вы... — забормотала она, дрожа от ярости. — Я буду писать жалобу! Я на вас в Роспотребнадзор! Я вас уволю!

Она швырнула корзину на пол. Бутылка кефира разби-

лась, залив пол белой лужей. И выбежала из магазина, на ходу доставая телефон.

Я хотела извиниться. Правда хотела. Но горло перехватило.

— ДА СУУУУУУУУУУКАААААААААААА! — заорала я в потолок. — КАК ВЫ МЕНЯ ВСЕ ЗАЕБАЛИ!!!

— Некомпетентная какая-то, — донеслось от второго терминала, где стояла ещё одна пара, всё это время наблюдавшая за сценой. — Пойдём отсюда, тут одни хамы работают.

«Поработала бы здесь, — подумала я, чувствуя, как по щекам текут слёзы. — В первый же день забыла бы слова вроде "компетентность". Ты бы тут через час выла в туалете и жрала успокоительное горстями, как я».

Слёзы текли, и я их не вытирала. Я больше не могла. Не могла, не могла, не моглааааааа, блядь! Я не вывозила. Четыре сотрудницы уволились, и всю их работу повесили на меня. Без прибавки к зарплате. Теперь у меня было пять начальников, и каждый требовал отчётов, планов, объяснительных. «Почему такая низкая эффективность? Почему покупатели жалуются? Почему полки пустые? Почему просрочка? Почему, почему, почему?» Да пошли вы нахуй! Абсолютно Все! Вся эта ебучая галактика!

— Екатерина, — раздался за спиной ледяной голос администратора, — вас вызывает региональный менеджер для прояснения ситуации по кражам тушёнки из магазина.

Я обернулась. Администратор Ленка стояла, скрестив ру-

ки на груди, и смотрела на меня, как на таракана.

— Скажи ему, — медленно, по слогам произнесла я, глядя Ленке прямо в глаза, — что я ебала его в рот той самой тушёнкой, о которой он хочет поговорить.

Я не стала ждать ответа. Я побежала в туалет.

Там я закрылась в кабинке, села на унитаз и просто расплакалась. Слёзы текли ручьём, смешиваясь с тушью, и падали на колени чёрными каплями. Я не справлялась. Я просто обычная продавщица, которая хотела платить кредит, есть раз в день горячее и иногда, может быть, купить себе новые джинсы. А вместо этого меня перемалывали в мясорубке, и я чувствовала, как с каждым днём становлюсь всё злее, всё тупее, всё равнодушнее. Я превращалась в животное. В злобное, загнанное в угол животное, которое только и умеет, что огрызаться и плакать в туалете.

«Вот бы уйти куда-нибудь из этого мира, — подумала я, глядя на своё отражение в мутном зеркале над раковиной. — Не знаю куда. Да везде лучше, чем здесь. Хоть на войну. Хоть в ад».

Тушь растеклась, под глазами — чёрные круги. Волосы — сосульками. Глаза красные, нос распух. Красавица, блядь. Да и хер сним. Я даже умыться не стала. Вышла из туалета и направилась в зал. Надо было помочь на кассе: оттуда доносился нарастающий гул очереди и крики «Откройте ещё одну кассу, немедленно!».

Я шла по проходу между стеллажами с крупами и консер-

вами, глядя под ноги и думая о том, как завтра утром напишу заявление об увольнении. Пошли они все нахуй. Проживу как-нибудь. И в этот момент я врезалась в непонятно откуда возникшуюся блондинку, ту самую, которая спрашивала про какие-то фигурки.

Было ощущение, будто я на полном ходу налетела на бетонную стену. Я, которая могла в одной руке нести мешок картошки, а другой оттолкнуть холодильник с пельменями, отлетела от этой хрупкой, тонкой девушки, как теннисный мячик. Я падала, цепляясь руками за полки с молоком. Пакеты и бутылки полетели вниз, заливая пол белыми лужами, и я рухнула прямо в это молочное озеро, больно ударившись копчиком.

Но боль меня волновала меньше всего. Меня волновало, что эта сука даже не пошатнулась.

Я подняла глаза. Надо мной стояла та самая модель-блондинка в мини-юбке. Белые волосы, идеальная улыбка, белоснежные зубы. Она смотрела на меня сверху вниз с вежливым интересом, как на жука в банке.

— Девушка, вы не ушиблись? — промурлыкала она. Голос был низкий, с какой-то странной вибрацией, от которой чесались барабанные перепонки.

— Нет, — рассеянно сказала я, сидя в луже молока и пытаясь понять, как, блядь, я могла её не заметить. Мгновение назад её здесь не было. Я могла поклясться. Я шла и смотрела прямо перед собой. Проход был пуст. А теперь она стоит. И

от неё веет холодом, как от открытой морозильной камеры.

— Меня зовут Морден Ваал, — сказала она, показывая идеальную улыбку. — Извините, что вас напугала.

— К-к-катя, — пробормотала я, поднимаясь на ноги и пытаясь отряхнуть с задницы молоко и остатки пакетов. — Я Катя.

— А у вас на бейджике написано, что вы Галя, — заметила Морден, и в её голосе проскользнула странная нотка — не то насмешка, не то любопытство.

— Да, старый бейджик другой сотрудницы, — автоматически ответила я. — Надела какой под руку попался.

Я смотрела на неё и нутром, звериным чутьём понимала: с ней что-то не так. Очень не так. Слишком чистая. Слишком спокойная. Слишком... слишком. У вас необычное имя, Морден Ваал. Откуда вы?

— Я родилась очень далеко отсюда, — она растягивала слова, и мне на секунду показалось, что её губы шевелятся не в такт словам. — Может, вам помочь?

— Да, разгрузите, пожалуйста, два паллета с овощами,
— с сарказмом сказала я. — Вы нашли фигурки, о которых
спрашивали?

— Нет. Их здесь нет, — она улыбнулась, но теперь улыбка была другая. Хищная. — Но я могу дать их вам.

— Так вы ищете фигурки или раздаёте? — я нервно усмехнулась. — Ваше поведение удивляет меня даже больше, чем ваше имя.

— Возьмите, — сказала Морвен и протянула мне корону.

Я уставилась на неё. Маленькая, изящная, из какого-то странного металла, который менял цвет прямо на глазах. Сначала он был золотым, потом чёрным, потом кроваво-красным, и всё это без смены угла освещения. Просто сам по себе. А от короны поднимался тонкий, едва заметный дымок. Он струился вверх и таял в воздухе, не достигая потолка.

Но больше всего меня поразило другое. Я не поняла, где она её прятала. У неё была обтягивающая юбка, никаких карманов, никакой сумки. Секунду назад её руки были пусты. Я видела это. Я, блядь, смотрела на её руки! Она убрала ладонь за бедро — и обратным движением уже вынимала эту странную корону. Из ниоткуда. Из воздуха.

«Что за хуйня, — пронеслось в голове. — Не из жопы же она её достала? Откуда взялась эта корона? Что это за странная шляха?»

Но мой взгляд уже прилип к короне. Я не могла оторваться. Она была... красивая? Нет, не то слово. Она была манящая. Она обещала что-то. Что-то важное. Что-то, чего мне всегда не хватало. Покой. Силу. Избавление.

— Мне, наверно, в психушку надо с моей работой, — пробормотала я, протягивая руку.

Я не хотела её брать. Я хотела отказаться. Но мои руки, мои собственные, руки, двигались сами по себе, как будто ими управлял кто-то другой. Я смотрела на свои пальцы, ко-

которые сжимались на холодном металле, и не могла их остановить. Холод пробежал по спине. Страх, липкий и тошнотворный, поднялся откуда-то из живота.

— Галя! — донеслось от касс. — Галя, ну ты идёшь?! Очередь стоит!

Но я уже не слышала. Я держала корону в руках и подносила её к голове. Зачем? Я не знала. Я не хотела. Но тело не слушалось. Я попыталась разжать пальцы, закричать, отбросить эту дрянь — и не могла. Мышцы свело судорогой. Руки, как чужие, поднимались всё выше и выше.

И тут я увидела надпись. Она проступила на внутренней стороне короны — буквы, выгравированные прямо в металле, вспыхнули тусклым багровым светом:

«ВО МРАКЕ ТЁМНОГО БУДУЩЕГО ЕСТЬ ТОЛЬКО ВОЙНА»

Я не знала, что это значит. Но от этих слов повеяло такой бесконечной, космической тоской, такой чудовищной обречённостью, что колени подогнулись. Я попыталась закричать, но горло перехватило.

А потом корона опустилась мне на голову.

Тело сразу пронзил жар — как будто каждая клетка, каждая молекула моего существа одновременно загорелась изнутри. Кровь закипела. Кости загудели, как высоковольтные провода. Перед глазами понеслись образы — я не успевала их разглядеть, только обрывки, осколки: чёрные соборы, уходящие в небо, миллиарды людей, кричащих в один голос,

реки крови, звёзды, гаснувшие одна за другой, и смех. Чей-то смех — жуткий, многоголосый, довольный.

Я падала. Я поняла это вдруг с ужасающей ясностью. Я падала, но не на грязный пол «Пятёрочки», залитый молоком. Я падала в бездну. В абсолютную, ледяную, бесконечную пустоту, где не было ни верха, ни низа, ни звука, ни времени. Только мрак. И сознание — моё, пока ещё моё — сжималось в точку, цеплялось за обрывки мыслей, за обрывки самой себя.

Сознание погасло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.